

Дмитрий Николаев

Дневник как публицистика: Окаянные дни Ивана Бунина в парижской газете «Возрождение» 1925 г.

The Diary as Political Commentary: Ivan Bunin's *Okaiannye dni* (1925) and the Newspaper «Vozrozhdenie»

The article examines the first publication of *Okaiannye dni* [Cursed Days] in 1925 in the Russian émigré newspaper «Vozrozhdenie» [Rebirth] and the text's role in the ideological debates of that year. The author argues that readers judged the newspaper based on the fragments of *Okaiannye dni* no less than by its editorial articles. Bunin's diary is written in a subjective, documentary style, evoking the journalistic pathos characteristic of «Vozrozhdenie». The author's ideological position combined two layers: one associated with the ideological struggles of the year of publication (1925), and the second, reflecting the pathos of the period covered in the diary (1919). When *Okaiannye dni* was finally published in 1935, the text had many fictional elements, and there exists a common misconception that the newspaper publication also included such elements. However, this article shows that readers in 1925 accepted *Okaiannye dni* as a real diary written in 1919 and that the newspaper text provides no reason to refute that view.

1.

Дневниковая форма *Окаянных дней* И.А. Бунина давно является предметом научного обсуждения. Основных точек зрения на ее жанровую природу три. Изначально текст воспринимался как документальное произведение, подлинный дневник писателя, который он вел день за днем в

годы гражданской войны. В 1935 г., после публикации *Окаянных дней* в составе озаглавленного так тома собрания сочинений писателя, М.А. Алданов отмечал: «Ни к *Окаянным Дням*, ни тем более к *Серпу и Молоту* не должно подходить как к книгам чисто политическим. Это ведь художественные произведения, и есть в обеих книгах страницы,

которые могут сравняться с лучшим из всего, что написано Буниным” (Алданов 1935: 472). К. Ошар, поставившая в 1996 г. в статье, опубликованной в журнале «Русская литература», вопрос: “являются ли *Окаянные дни* дневником (пусть и литературным) в прямом смысле этого слова или это оригинальное произведение в форме дневника”, утверждает, что *Окаянные дни* “следует рассматривать как оригинальное по форме художественное произведение, среди предшественников которого можно назвать *Былое и думы* Герцена” (Ошар 1996: 102, 104). О. Н. Михайлов в 1991 г. в предисловии к изданию *Окаянных дней* в СССР использовал определения “книга публицистики” и “художественный дневник” (Бунин 1991: 5, 6). Схожее определение – “книга художественной публицистики” – повторяется в преамбуле в комментариях к изданию впервые собранной публицистики И.А. Бунина, подготовленному О.Н. Михайловым, С.Н. Морозовым, Д.Д. Николаевым и Е.М. Трубиловой (Бунин 1998: 468). Таким образом, в качестве базовых характеристик *Окаянных дней* могут выделяться документальность, публицистичность и художествен-

ность. Д. Риникер в статье *Окаянные дни как часть творческого наследия И.А. Бунина* называет эти характеристики “доминантами” (Риникер 2001: 631). Отмечая и документальную основу текста, и его публицистическое начало, Риникер сперва справедливо утверждает, что “понимание *Окаянных дней* только как документа эпохи или как части публицистического наследия Бунина не охватывает всей сложности произведения”, а затем фактически уравнивает художественность и документальность у Бунина: “Важно подчеркнуть, что для Бунина не существовало жесткого разграничения документальной и художественной литературы, так как он не делал разницы между жизненным фактом и вымыслом в качестве материала для художественного произведения” (Риникер 2001: 645, 646). На первый взгляд, это слияние двух “доминант” – документальности и художественности – превращает их в своего рода *супердоминанту*, отодвигающую на задний план публицистичность. Однако документальность и художественность хотя и могут совмещаться в одном тексте, но не могут “суммироваться”. Риникер не учитывает дихотомии документальности

/ художественности в тексте: отсутствие жесткого разграничения между художественным и документальным не превращает документальное в художественное, а художественное в документальное, поскольку с формальной точки зрения это понятия противоположные. А вот публицистичность не противопоставлена ни документальности, ни художественности.

Кроме того, исследователи, даже когда обращаются к газетным публикациям, все же характеризуют произведение в его позднейшей редакции (Риникер 2001; Морозов 2012; Бакунцев 2013 и др.), не рассматривая с точки зрения художественности

/документальности/ публицистичности текст в его историческом развитии (Николаев 2009; Николаев 2012).

Сопоставление редакций используется, как правило, для подтверждения художественности текста *Окаянных дней*. И если мы говорим о позднейшей по отношению к газетным публикациям редакции *Окаянных дней*, которая опубликована в собрании сочинений, то Бунин действительно отдает приоритет художественности.

Во-первых, на это указывает сам факт включения *Окаян-*

ных дней в собрание сочинений, вышедшее в издательстве Петрополис, куда не вошли собственно публицистические произведения Бунина – даже такие знаменитые, как *Миссия русской эмиграции* или *Инония и Китеж*. В десятом томе *Окаянные дни* являются своего рода промежуточным звеном между художественной прозой и прозой мемуарной, примыкая за счет отождествления образа автора записей с Буниным к последней. Открывающий том рассказ *Последняя весна* написан в дневниковой манере, от первого лица и начинается с жесткой привязки к дате, хотя и выраженной не календарно, без указания числа и месяца: “Шестая неделя, а еще совсем зима” (Бунин 1935: 7). И в дальнейшем развитие действия в рассказе постоянно фиксируется во времени и пространстве, как это принято в дневниках: “Встал в пять часов, оделся и вышел из дому” (Бунин 1935: 7); “После обеда ездили к Знаменскому” (Бунин 1935: 7); “Вечером пошли на Прилепы, в господское поместье [...]” (Бунин 1935: 8); “Нет, уже весна” (Бунин 1935: 10); “Вечером в Полевое” (Бунин 1935: 11); “Когда вышли – лунная ночь” (Бунин 1935: 11); “Страстной понедельник” (Бунин 1935: 12) и т. д. Та же сю-

жетно-композиционная схема использована и в идущим вторым рассказе *Последняя осень*, который является новой редакцией *Записной книжки*, опубликованной в «Возрождении» 17 октября 1926 г. (№ 502, с. 2). Здесь при сравнении редакций фиксируется движение от публицистичности к художественности: Бунин полностью исключает фрагмент о Горьком и Мережковском. *Брань* написана в форме диалога, т.е. построена как непосредственная запись происходящего, а завершается том мемуарными очерками Чехов и Толстой.

Во-вторых, текст *Окаянных дней*, опубликованный в собрании сочинений, существенно переработан в сравнении с газетным, что, естественно, недопустимо для дневника как документальной формы. Безусловно, при перепечатках дневников авторы (или публикаторы) могут раскрывать, уточнять или, наоборот, скрывать какие-то имена и фамилии, восстанавливать пропуски или, напротив, делать их. Такие изменения у Бунина есть, и они не ставят под сомнение жанровый характер текста, заявленного как дневник. Однако при републикации документальной прозы авторы не занимаются, как

это делает Бунин, совершенствованием стиля и содержательной корректировкой записей. Конвенционально допустимыми при републикации дневника считаются обусловленные разными причинами (от защиты личной информации до устранения не представляющих интереса записей) купюры, но никак не позднейшие исправления и дополнения. Бунин же вносит в текст множество значимых изменений, связанных с позицией автора дневника, заявленной как «непосредственная» и зафиксированной печатно в таком качестве при первой публикации. Приведем лишь два примера того, как исправления, внесенные в небольшой фрагмент записи от 12 апреля *Из одесского дневника 1919 г.*, впервые опубликованной в «Возрождении» 3 июня 1925 г. (№ 1, с. 2), существенно меняют эмоциональную окраску высказывания. Из предложения «Какое вообще громадное место занимает смерть, мысль о ней, страх перед ней в нашем и без того крохотном существовании!» в собрании сочинений убраны слова «мысль о ней, страх перед ней» и курсив; из предложения «И образовался на земле уже целый несметный легион специалистов, подрядчи-

ков по устройению человеческого благополучия, которые день и ночь долбят об этом светлом будущем, спекулируя на нем или просто дурача себя и других” убранны определения “несметный” и все придаточное предложение после слова “благополучие” (Бунин 1935: 78).

Итак, художественная составляющая книжной редакции *Окаянных дней* не вызывает сомнений, но это вовсе не доказывает художественности редакции газетной. Позднейшей художественной обработке может быть подвергнут как текст художественный, так и документальный. А анализ той части *Окаянных дней*, что публиковалась в «Возрождении» в 1925 г., доказывает, что в тексте Бунина нет ничего, что с читательской точки зрения ставило бы под сомнение его документальность.

Если при сравнении редакций сам факт работы над совершенствованием стиля мы рассматриваем как отражение художественности текста, то в первой публикации элемент художественности в дневнике определяется не стилем, за которым писатель следит инстинктивно при создании любого текста – будь то рассказ, письмо или дневник, а наличием художественного вы-

мысла. Вымысел может быть связан либо с изображаемыми в дневнике событиями, либо с образом автора, либо, естественно, и с тем, и с другим. И в качестве такового нельзя рассматривать эмоциональную реакцию записывающего на события или их анализ: эгодокументальная проза в принципе построена на том, что происходящее становится предметом рефлексии автора. Чтобы подтвердить наличие художественного вымысла в газетной редакции *Окаянных дней*, мы должны *проверить* хотя бы в какой-то части документальность. Но в опубликованном в 1925 г. в «Возрождении» тексте нет ничего, что позволило бы читателям в 1925 г. усомниться в его дневниковой подлинности. Более того, и сейчас у нас нет оснований однозначно утверждать, что в произведении есть какие-то фрагменты, которые *не могли быть* написаны Буниным в 1919 г.

Разумеется, ни в коем случае нельзя настаивать на том, что Бунин опубликовал в 1925 г. в «Возрождении» подлинные дневниковые записи 1919 г. – чтобы доказать это, нужно иметь оригинал дневника. Но в газетной публикации в «Возрождении» нет ничего, формально нарушающего до-

кументальность 1919 г., а какие-то пропуски, неточности и даже ошибки – дело естественное и при публикации подлинных дневников.

Если в книжной редакции *Окаянных дней* на первый план выходит художественность, то в газетной редакции «Возрождения» определяющей и для Бунина, и для редакции газеты является установка на документальность. На этой установке, зафиксированной в газетном подзаголовке *Из Одесских дневников 1919 г.*, базируется и актуальный публицистический пафос произведения, его вовлеченность в идейное противостояние 1925 г.

2.

Окаянные дни в «Возрождении» в 1925 г. публиковались в течение более чем полугода – с первого номера газеты, который вышел 3 июня, и до 12 декабря. 28 мая 1925 г. Бунин извещает редактора газеты П. Б. Струве: «Вчера послал Вам *Окаянные дни*. На днях вышлю еще фельетона на два» (Бунин 1968: 73). И затем на протяжении 1925 г. писатель регулярно сообщает Струве о том, что отправил очередные части *Окаянных дней*, причем

каждый раз предполагается публикация “с продолжением”:

Думаю, – это на 2 фельетона? Известите, как вообще будете меня печатать? Раз в неделю? Мало. Хорошо бы эти два подряд – пожалуйста. Слат ли эти *Окаянные дни* еще? Вообще напишите [...].

[...] Вот вам еще три фельетона. Не смущайтесь, что опять *Окаянные дни*, публике нравится, мне это и говорят и из Парижа пишут, главное же – есть немало ядовитого, далеко не скучного (хотя бы, например, *банкет* в первом фельетоне). (Бунин 1968: 73, 75)

посылаю Вам еще один фельетон [...]. Это опять кусок *Окаянные дни* – последний или предпоследний кусок. (Бунин 1994: 43)

Приведенные фрагменты из писем доказывают, что Бунин использует определение фельетон не как жанровое – в его современном понимании, а как “форматно-газетное”, принятое в дореволюционной прессе для обозначения боль-

шого авторского текста, занимавшего чаще всего “подвал” второй полосы. С жанровой точки зрения этот текст мог быть не только фельетоном, но и очерком, статьей, заметками, а иногда и маленьким рассказом на актуальную тему. *Фельетоны* – это обозначение способа публикации *Окаянных дней*, причем окончательное деление на фрагменты определяется авторской установкой, а не жесткими редакционными требованиями объема. Бунин не делает разрыва внутри одной датировки, но часто объединяет несколько дат в одном фрагменте, так чтобы он представлял собой законченное публицистическое высказывание. *Окаянные дни* могут занимать “подвал” одной полосы (3 июня, 4 июня, 6 июня), могут переходить на следующую полосу и даже охватывать “подвалы” сразу двух полос. Ну а самый маленький фрагмент – 3 августа – занимает всего четыре столбца “подвала” из шести. В публикации *Окаянных дней* в 1925 г. в «Возрождении» можно выделить три этапа. Первый – с 3 по 11 июня 1925 г. В первых девяти номерах газеты *Окаянные дни* печатаются постоянно. В первом номере, 3 июня, помещены записи от 12, 13 и 15 апреля, во втором номе-

ре, 4 июня, – от 16 апреля, 17 апреля и 18 апреля, в четвертом, 6 июня, – от 19 апреля, в шестом, 8 июня, – от 20 апреля, в девятом, 11 июня, – от 22 апреля и от 23 апреля.

После этого наступает перерыв почти в месяц: следующий фрагмент *Окаянных дней* в «Возрождении» публикуется лишь 8 июля 1925 г. (№ 36, с. 2–3). В течение трех месяцев – июля, августа и сентября – *Окаянные дни* помещаются в газете регулярно, хотя жесткая схема – в определенный день с недельным интервалом – автором и редакцией не соблюдается. Как свидетельствует приведенный выше фрагмент из письма Бунина Струве, писателя не всегда устраивала удобная для редакции периодичность “раз в неделю”. В итоге, *Окаянные дни* могут появляться чаще, чем раз в неделю, и в то же время есть и большие интервалы – с “пропущенной” неделей. Кроме того, тексты печатаются в разные дни недели: в среду (8 июля, 12 августа), пятницу (31 июля), понедельник (3 августа). Выбранная в качестве “базовой” схема публикаций по субботам строго соблюдается лишь с 15 августа, но при этом две субботы пропускаются. По-разному Бунин подходит и к построению текста. К

примеру, фрагмент, опубликованный 8 июля 1925 г. и датированный ночью на 24 апреля, вообще не содержит никаких фактических отсылок ни к указанной дате, ни к дням, ей предшествующим, и выглядит как мемуарная вставка. Большую его часть занимают воспоминания о последнем приезде в Петербург (Бунин называет город именно так) в начале апреля 1917 г., а в заключении Бунина обращается к записи от 5 мая 1917 г. 18 июля Бунин возвращается к дневниковой фиксации текущих событий с 24 апреля 1919 г. Фрагмент, напечатанный 3 августа и содержащий записи от 4 и 5 мая, практически целиком построен на цитатах – сперва из газеты «Голос Красноармейца» и статьи Подвойского в киевских «Известиях», а затем из Горького. Следующая часть, опубликованная 12 августа и датированная ночью на 6 мая, – это размышления по поводу главы о Сен-Жюсте из книги Ж. Ленотра *Vieilles maisons, vieux papiers*.

Второй этап завершается 19 сентября 1925 г. (№ 109). И, наконец, четыре заключительные публикации *Окаянных дней* в «Возрождении» печатаются уже без указания в подзаголовке на дневниковый характер текста. Новый подза-

головок – *Из Одесских заметок 1919 г.* – впервые появляется 14 ноября и затем повторяется 21 ноября, 5 декабря и 12 декабря. При этом структурно данные четыре фрагмента, охватывающие в «одесской» хронологии промежутки с 9 по 20 июня, оформлены так же, как и все предыдущие части *Окаянных дней*, – с разбивкой по датам. Определение «заметки» Бунин использует и в постскрипуме, которым 12 декабря заканчивается публикация «одесской части» *Окаянных дней* в «Возрождении»: «Тут обрываются мои одесские заметки. Листки, следующие за этими, я так хорошо закопал в одном месте в землю, что перед бегством из Одессы в конце января 1920 года, не мог найти их» («Возрождение», 12.12.1925, № 193, с. 2). Отметим, что в дальнейших редакциях в постскрипум добавляется лишь слово «никак», а в остальном он остается без изменений.

В 1927 г. *Окаянные дни* будут публиковаться в «Возрождении» с новым подзаголовком: «Москва, 1919 г.». Постоянное использование подзаголовка в газетных публикациях, равно как и его изменение имеет весьма существенное значение. Подзаголовок каждый раз подчеркивает документаль-

ность текста: именно такое восприятие *Окаянных дней* необходимо и автору, и редакции, поскольку документальность является важнейшим элементом достижения публицистической задачи – вне зависимости от того, подлинная это документальность или мнимая. И столь же значимым является отсутствие указания на дневниковость в заголовочном комплексе в книжном издании.

Подзаголовок не только подчеркивает документальность текста, но и наряду с формально-дневниковой структурой, имеющей продолжающуюся датировку, помогает зафиксировать целостность *Окаянных дней*, объясняя эдичионную фрагментарность. Для писателя, для редакции, для читателей в 1925 г. *Окаянные дни* – это печатающееся “с продолжением” единое произведение, а не название рубрики, и поэтому, анализируя текст, необходимо исходить из его целостности не только в книжной, но и в газетной редакции. Тем не менее, С.Н. Морозов выводит за рамки произведения большой фрагмент, опубликованный в газете «Возрождение» 12 августа и не включенный автором в текст в собрании сочинений. Название *Окаянные дни*

С.Н. Морозов трактует как некий универсальный заголовок, под которым помещаются не связанные единым авторским замыслом и единой структурой тексты:

В газетных публикациях Бунин не раз пользовался заглавием *Окаянных дней* в качестве общего для своих заметок (так же, например, часто встречается заглавие его статей в эмигрантской печати – *Записная книжка*). Так, под заглавием *Окаянные дни* помещается очерк Бунина о Сен-Жюсте, написанный на основе книги Ж. Ленотра. (Морозов 2012: 304)

Саму по себе аналогию между названиями *Записная книжка* и *Окаянные дни* проводить можно, но отождествлять принципы публикации текстов под этими названиями нельзя. И нельзя исключать из газетной редакции *Окаянных дней* фрагмент, который С.Н. Морозов называет “очерком о Сен-Жюсте”, поскольку сам Бунин, подчеркивая включенность фрагмента в общий текст дневника, не только сохраняет название и подзаголовок *Из одесского*

дневника 1919 года, но и датирует фрагмент, прямо связывая его с 1919 г.:

Ночь на 6 мая. Читаю Ленотра (*Vielles maisons, vieux papiers*). Замечательный историк, замечательный писатель, человек, всю жизнь отдавший изучению французской революции, из которой сто лет творили столь вредоносную легенду, и освещающий ее совершенно новым светом, человек, которому при жизни нужно поставить памятник, а кто его знал и знает в России? («Возрождение», 12.08.1925, № 71, с. 2)

Анализу текстов Бунина, основанных на Ленотре, будет посвящена специальная статья, а здесь необходимо отметить, что использование в *Окаянных днях* материалов из Ленотра является одним из главных аргументом тех, кто отвергает изначально документально-дневниковый характер текста. К. Ошар утверждает: «Сопоставления с французской революцией могли появиться у Бунина только в Париже, при чтении книги Ленотра *Старые дома, старые бумаги*. Книга эта бы-

ла переиздана в Париже в 1920 году. (Ее первое издание относится к 1909 году и вряд ли было доступно Бунину в России)” (Ошар 1996: 102). Правда, остается неясным, чем обусловлена категоричность подобного заявления?

В 1920 г. в Париже, действительно, вышло издание книги Ленотра *Paris-Revolutionnaire. Vieilles maisons, vieux papiers*, но первое издание той части *Vieilles maisons, vieux papiers*, в которой содержатся главы о Кутоне и Сен-Жюсте, появилось не в 1909 г., а в 1901 г., в Париже в издательстве Perrin. В этот том вошли очерки: *Le roman de Camille Desmoulins; Mademoiselle de Robespierre; Deux Policiers; Savalette de Langes; Les derniers jours d'André Chénier; La Maison de Cagliostro Deux étapes de Napoléon; Autour de la Du Barry; La vieilliesse de Tallien; Un latude inconnu; Papa Pache; La Brouette de Couthon; Leblanc; Saint-Just à Blérancourt; M. le Comte de Folmon*. И издания Ленотра на французском в равной степени могли быть в распоряжении Бунина и в Одессе, и в Париже, хотя вряд ли это вообще имеет существенное значение, поскольку, как мы знаем, Бунин не владел французским языком в той степени, чтобы читать Ленотра в оригинале, и

доступность издания в данном случае не равнозначна доступности текста.

В то же время Ленотр был, вопреки утверждению Бунина, весьма популярен в России: его и знали, и переводили. Очерки Ленотра печатались в периодических изданиях самого разного направления – от «Жизни и Социализма» до «Нового Слова». В 1895 г. в Москве вышла книга Ленотра *Революционный Париж* в переводе Н. Ломакина, а в 1913 г. издательство Сфинкс выпустило очерки *Париж в дни революции*, переведенные Н.А. Тэффи и ее сестрой Е.А. Лохвицкой. Кроме того, в 1919 г. Бунин мог знать переводы А.А. Кипена, с которым он тесно общался в пору своего пребывания в Одессе. Отметим, что переведенный Кипеном очерк Ленотра *Мебель господина Бертелеми* был помещен в первом номере одесского журнала «Объединение» за 1919 г. (январь-февраль) практически сразу за рассказом Бунина *Сны Чанга* (их разделяет лишь стихотворение *Толпа* Эмиля Верхарна; см. Ленотр 1919).

Перечисляя доводы в пользу того, что *Окаянные дни* нельзя рассматривать как документальный дневник, К. Ошар пишет:

Но есть и другие основания для утверждения о литературном характере этого произведения. Я имею в виду поздние “вставки”, которые находятся в *Окаянных днях* и которые могли быть добавлены только в эмиграции, во Франции. Такими вставками являются отрывки бунинских статей из эмигрантской прессы, выписки из его рассказов эмигрантского периода, а также цитаты из книги французского историка Ленотра, вышедшей в Париже в 1920 году. Так, например, газетные статьи *Самогонка и шампанское*, *Страна неограниченных возможностей*, *О писательских обязанностях*, опубликованные в «Руле» в мае 1921 года, в «Огнях» в августе 1921 года и в «Сыне отечества» в июне 1921 года, вошли фрагментами в *Окаянные дни*. (Ошар 1996: 103)

Оставив в данном случае в стороне имеющиеся в приведенной цитате фактические неточности, отметим только, что последовательность пуб-

ликации не равна последовательности написания. В случае же с дневником совпадение дневниковых фрагментов с фрагментами статей может быть объяснено тем, что Бунин использовал в газетной публицистике какие-то свои дневниковые записи – это обычная практика и для писателей, и для журналистов.

3.

К. Ошар считает также, что “сама архитектура *Окаянных дней*, построенных вокруг темы смерти и покаяния, служит доказательством литературности этих ‘поденных записей’” (Ошар 1996: 103). Но архитектура той части *Окаянных дней*, что публиковалась в «Возрождении» в 1925 г., строится не на теме смерти и покаяния: она в гораздо большей степени связана с конкретными задачами новой газеты – и контекст «Возрождения» необходимо учитывать при анализе бунинского произведения.

Эта связь наиболее ярко проявляется в первые дни издания «Возрождения», к которым относится выделенный нами первый этап публикации *Окаянных дней*. С 3 по 11 июня 1925 г. газета печатает пять

фрагментов, охватывающие в “одесской” хронологии временной промежуток от 12 до 23 апреля 1919 г. Обратим внимание, что длительность описываемого периода и длительность периода публикации практически совпадают: 9 дней в 1925 г. и 11 дней в 1919 г., так что ощущение дневничности создается и за счет схемы публикации в «Возрождении».

Напомним, что Бунин сперва отказался давать материал для первого номера новой газеты. Он писал Струве:

Но, увы, не вышло: именно подходящего-то и не нашлось. А ведь для *первого* № это нужно *особенно*, дать в него что попало, какие-нибудь “незабудки” ни к селу ни к городу – неловко, он обязывает на что-нибудь бьющее в глаза и так или иначе связанное с тем “ликом”, который в нем должен проявиться. Возможно, что в *другое* время я все-таки как-нибудь вывернулся (бы): понатужился бы и написал бы что-нибудь “по особому заказу” [...]. Дорогой, не сердитесь на меня, войдите в мое положение и, если уж нуж-

на “изящная” литература для 1 №, обратитесь к Шмелеву, к Зайцеву... Утешаю себя тем, что она не очень нужна, – думаю что № будет по горло сыт статьями, необходимыми в первую голову, “программными” [sic]. С “незабудками” еще успеется. (Бунин 1968: 72–73)

Однако затем что-то подходящее нашлось – и это были именно *Окаянные дни*, которые в контексте и первого номера «Возрождения», и последующих номеров рассматривались и воспринимались как произведение программное. Разумеется, говорить о влиянии газетной программы на творчество Бунина или о стремлении писателя отразить ее ключевые положения в своих произведениях, нельзя. Влияние и роль Бунина и бунинского слова были столь велики, что в пору, когда создавалось «Возрождение» скорее в пору утверждать обратное: читатели судили о платформе нового издания по опубликованным в первые дни существования газеты фрагментам *Окаянных дней* не в меньшей степени, чем по программным статьям П. Струве, А. Карташева, С. Ольденбурга,

И. Ильина, В. Шульгина, К. Зайцева и Л. Львова. Более того, если мы будем говорить о подписанных авторских материалах, то Бунин печатался в первых номерах «Возрождения» чаще, чем кто бы то ни было другой, – его *Окаянные дни* стали своего рода визитной карточкой новой газеты. В самой форме дневника, выбранной для цикла газетных или журнальных публицистических очерков, нет ничего необычного. Самым известным примером могут служить *Дневник писателя* Ф.М. Достоевского, который, возможно, и послужил Бунину примером, ведь *Окаянные дни* – это именно дневники писателя. Форма дневников выбиралась писателями и журналистами из-за того, что она соответствовала регулярности, периодичности и актуальности газетного (журнального) публицистического цикла, с одной стороны, и подчеркнуто авторскому, личному, а не редакционному формату отклика на текущие события и их интерпретации – с другой. Дневниковая форма записи придает особую значимость тексту, поскольку человек ведет “разговор самим с собой” о самом важном. Предложенная Буниным в «Возрождении» дневниковая модель оказалась

столь удачной, что ее практически сразу начинает использовать и Петр Струве. 8 июня 1925 г., в шестом номере «Возрождения» на первой странице появляется его *Дневник политика*, продолжившийся 10 июня и превратившийся затем в постоянную рубрику.

Необычным у Бунина является другое. Формально в *Окаянных днях* нет реакции на текущие события 1925 г. Записи *Из одесского дневника 1919 г.* в какой-то степени можно назвать “отложенной” публицистикой, поскольку автор постоянно в подзаголовке подчеркивает дистанцию в шесть лет между временем написания и временем публикации. Эта демонстративная дистанция в сочетании с актуальным публицистическим пафосом текстов и позволяет воспринимать авторскую датировку текстов как некую условность и, соответственно, служит одной из главных причин того, что *Окаянные дни* рассматриваются как произведение художественно-публицистическое.

На самом деле неожиданное, на первый взгляд, включение записей, датированных 1919 г., в контекст идейной борьбы 1925 г., полностью соответствует общему содержанию, пафосу «Возрождения», про-

грамме новой газеты и не может являться основанием для сомнений в документальности записей, поскольку выбор периода определяется актуальностью для 1925 г. авторских переживаний “дневникового” времени 1919 г.

Сама по себе обращенность к будущему и настоящему через прошлое, заявленная в названии газеты, была явно противопоставлена одновременно эсхатологическому и сиюминутному смыслу заглавия другой парижской эмигрантской газеты, с которой «Возрождение» вступало в противоборство, – «Последних Новостей». В то же время столь явно выносимое на первый план прошлое противоречило сути ежедневной газеты как печатного органа, отражающего прежде всего современность, причем в ее максимально оперативном, “телеграфном” восприятии. И одной из задач «Возрождения» в первые дни существования газеты было обоснование этой декларативной связи прошлого и современности.

Подчеркнутая связь прошлого с настоящим прослеживается практически во всех авторских материалах, опубликованных в первом номере. К примеру, А.В. Карташев свою статью *Сим победиши* о современной

тактике Церкви и “лицемерной политике некоторых современных государств” начал с напоминания о том, что “в июне этого года христианский мир празднует 1600-летие первого Вселенского Никейского собора, а 12 лет тому назад было отпраздновано 1600-летие знаменитого Миланского эдикта императора Константина Великого”. Карташев рассматривал эти события как два первых акта триумфа Церкви и триумфа христианства. Вспоминал он и “исторический Константинов лозунг ‘сим победиши!’”, который

есть лозунг о мече обоюдоостром: о Силе Честного и Животворящего Креста, осеняющего меч государственный, дабы он, в свою очередь, преобразался из орудия враждебного Христу в прямую или хотя бы косвенную защиту покоя Церкви и благоденственного и, мирного жития Ея крещеного народа, чтобы мы не забывали напоминания вещего русского поэта, что в каком то смысле “Крест и меч – одно!” («Возрождение», 03.06.1925, № 1, с. 1)

С. Ольденбург в первой же строке очерка *Общее политическое положение. 1 июня 1925 года* писал о том, что скоро семь лет как закончилась мировая война, а в заключительном абзаце сравнивал июнь 1925-го г. с июнем 1920-го г., утверждая, что “большевики, во всяком случае, несравненно дальше от своей конечной цели, чем тогда” («Возрождение», 03.06.1925, № 1, с. 2). Лоллий Львов в статье *О России* также в первой же строке связывал настоящее с прошлым: “Пожар России уже давно догорел. Если дым еще и стелется, то уже над пепелищем” («Возрождение», 03.06.1925, № 1, с. 3).

В контексте других материалов первого номера «Возрождения» возвращение в *Окаянных днях* в 1919 г. воспринималось именно как программное заявление – и авторское, и редакционное. В первой же записи *Окаянных дней* постулируется принципиальное различие России нынешней и России прежней, дореволюционной и одновременно связь времен, связь поколений: “Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть, вернее, вчера) жили, которую мы не це-

нили, не понимали, – всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...” («Возрождение», 03.06.1925, № 1, с. 2). В книжном издании Бунин уберет уточнение “вернее” (Бунин 1935: 76).

Противопоставление у Бунина, формально относящееся к 1919 г., фактически прямо соотносится с задачей новой газеты, сформулированной непосредственно в ее названии – «Возрождение». В опубликованной на первой странице передовой статье *Освобождение и Возрождение* Петр Струве связывал задачу возрождения той самой потерянной России с задачей ее освобождения от большевиков, утверждая, что первое немислимо без второго. Разрядкой в статье был выделен лозунг – “двуединный зов”: “Освободить и освободиться, дабы возродить и возродиться”.

Столь же существенным является проходящее сквозной нитью не только через текст *Окаянных дней*, но и через всю публицистику Бунина противопоставление *Мы и они* – противопоставление, которое было поставлено в качестве заглавия еще одной программной статьи, помещенной в первом номере, – она принадлежала перу К. Зайцева

(«Возрождение», 03.06.1925, № 1, с. 2–3).

«Возрождение» должно было стать изданием не только антибольшевистским, но и *антимиллюковским*, противодействовать разрушительной, с точки зрения редакции «Возрождения», пропаганде «Последних Новостей», проводящих соглашательскую политику по отношению к большевикам (Николаев 2016; Николаев 2018). В связи с этим важна была уже сама тематика *Окаянных дней* Бунина, а подзаголовок подчеркивал, что “из Одесского дневника 1919 года” выбран определенный временной промежуток. Первая запись датирована 12 апреля, а это значит, что Бунин в *Окаянных днях* пишет о том времени, когда Одесса была под властью большевиков. Писатель выступает в качестве человека, на себе познавшего и почувствовавшего, что такое большевизм. Непосредственные впечатления очевидца здесь противопоставляются умозрительным рассуждениям тех, кто может судить о советской власти лишь с чужих слов.

Первое предложение *Окаянных дней*: “Уже почти три недели со дня нашей гибели” – сразу отсылает нас к одному из древнейших памятников

русской литературы – *Слову о погибели Русской земли* – и одновременно задает предельно конкретную, привязанную к определенным дням формулу документальной фиксации погибели “сегодняшней”.

Форма дневника позволяет, с одной стороны, избежать дистанции между временем создания текста и описываемым временем, которая могла бы задавать существенное изменение восприятия событий. Шесть лет – с 1919 по 1925 г. – включили в себя так много, что изменение оценок, в том числе на противоположные, в том числе и проделанное одним человеком несколько раз, никого бы не удивило. С другой стороны, дневниковая форма задает хронологически-документальную динамику повествования, в которой развитие событий определяется не волей автора или повествователя, а ходом самой жизни. И эта логика жизни также противопоставлена Буниним и редакцией «Возрождения» отвлеченно-теоретическим, с их точки зрения, концепциям, оправдывающим сотрудничество с большевиками.

«Последние Новости» в эмиграции отстаивали ценности демократической февральской революции, а важнейшим,

определяющим в позиции автора *Окаянных дней* является его антиреволюционность. Бунин не отделяет большевистскую революцию от происходившего в 1917 г. ранее, выступая против революции вообще. Это декларируется в начальной публикации *Окаянных дней*, где Бунин вспоминает 1917 г. и, в частности, пишет: “Да, и сатана Каиновой злобы, кровожадности и самого дикого самоуправства дохнул на Россию именно в те дни, когда были провозглашены братство, равенство и свобода. Тогда сразу настелило какое то наступление, острое умопомешательство” («Возрождение», 03.06.1925, № 1, с. 2).

В противовес модели, противопоставлявшей хорошую (февральскую) и плохую (октябрьскую) революции, Бунин в *Окаянных днях* последовательно отвергает революцию и революционность как таковые, выстраивая связующую линию между революцией 1917 г. и Великой французской революцией. Параллель с французской историей и отсылка к историкам также появляется у Бунина в первом же номере «Возрождения»:

Как они одинаковы, все эти революции! Вот,

например, во время “великой” французской революции: историки говорят, что сразу же была создана целая бездна новых административных учреждений, хлынул целый потоп декретов, циркуляров, число комиссаров, – непременно почему-то комиссаров, – и вообще всяческих властей стало несметно, комитеты, союзы, партии росли, как грибы и все “пожирали друг друга”, образовался совсем новый, особый язык, “сплошь состоящий из высокопарнейших восклицаний вперемешку с самой площадной бранью по адресу *грязных остатков издыхающей тирании...*”. Вспоминая, перечитывая все это, просто теряешься от изумления: да что же это значит, что наша (тоже “великая”) так яростно копирует, с такой алчностью инсценирует буквально на каждом шагу французскую! («Возрождение», 03.06.1925, № 1, с. 2).

Отметим, что в газете французская революция называется Буниным великой с ма-

ленькой буквой и в кавычках, а в книге определение “великой” и вовсе опускается, равно как упоминание историков и заключительное предложение из процитированных выше: “Во время французской революции тоже сразу была создана [...]” (Бунин 1935: 77).

Бунин обращается не только к французской, но и к отечественной истории, ко временам усобицы, цитируя в записи от 19 апреля *Историю Российскойскую* В.Н. Татищева:

“Брат на брата, сыневе против отцев, рабы на господ, друг друга ищут умертвить единого ради корыстолюбия, похоти и власти, ища брат брата достояния лишить, не ведуще, яко премудрый глаголет: ища чужого, о своем в оный день возрыдает...”

А сколько дурачков убеждено, что в российской истории произошел великий “сдвиг” к чему-то будто бы совершенно новому, доселе небывалому!

Вся беда (и страшная), что мы в сущности даже малейшего понятия о российской истории не имели. («Возрождение», 06.06.1925, № 4, с. 2)

Этими словами заканчивается публикация третьего фрагмента *Окаянных дней* в «Возрождении», а большая часть четвертого содержит суждения Бунина о народе и об отношении к народу, об идеализации и поэтизации народа, в основе которых лежало полное его незнание:

Народ сам сказал про себя: “Из нас, как из древа, – и дубина, и икона”, – т.е. в зависимости от обстоятельств, от того, кто это древо обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев. Если бы я эту “икону”, эту Русь не любил, не видал, из-за чего же бы я так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так беспрерывно, так люто? А ведь говорили, что я только ненавижу. И кто же? Те, которым, в сущности, было совершенно наплевать на народ, – если он только не повод для проявления их прекрасных политических и общественных чувств, – и которого они не только не знали и не желали знать, но даже просто не замечали, как не замечали они лиц из-

возчиков, на которых ездили в Вольно-Экономическое общество. («Возрождение», 08.06.1925, № 6, с. 2)

Здесь звучат те же мотивы, что и лекции *Великий дурман*, которую Бунин читал в Одессе 21 сентября и 3 октября 1919 г. и отрывки из которой печатались в конце 1919 – начале 1920 гг. в «Южном Слове» и «Родном Слове» (Бунин 1998: 484). В пятом фрагменте, завершающем первую часть публикации *Окаянных дней* в 1925 г., содержатся важные с точки зрения общей позиции «Возрождения» и полемики с «Последними Новостями» суждения Бунина о русской прессе, у которой, с его точки зрения, и до революции определяющим был антироссийский пафос: “Понедельник, газет нет, отдых в моем помешательстве (с самого начала войны) на чтении их. Зачем я над собой зверствую, рву себе сердце этим чтением? Ведь и до большевиков во всех этих листках не было ровно ничего, кроме ненависти к прежней России...” («Возрождение», 11.06.1925, № 9, с. 2). В собрании сочинений Бунин удаляет из текста заключительное предложение (Бунин 1935: 103).

В следующей фразе антироссийский пафос фактически уравнивается с республиканско-демократическим, а обвинения в адрес “всех этих Пешехоновых” в 1925 г. в контексте «Возрождения» естественно переносились с одного министра Временного правительства на другого и превращались в читательском восприятии во “всех этих Милюковых”:

Кстати: почему все эти Пешехоновы так твердо уверены, что только им принадлежит решение российской судьбы? И когда же? Когда они должны были бы в тартарары провалиться, хотя бы от одного стыда за все то, что они явили на диво всему миру за свое шестимесячное царствование в 17 году. («Возрождение», 11.06.1925, № 9, с. 2)

В этот отрывок в собрании сочинений Бунин тоже внес существенное изменение, отказавшись от вопросительной формы первого предложения: “На редкость твердо уверены все эти Пешехоновы, что только им принадлежит решение российской судьбы” (Бунин 1935: 103).

Столь же важным с точки зрения идеологического противостояния 1925 г. является принципиальное несогласие писателя с разделением “белых” и “народа”, звучащее резко полемически по отношению к позиции “республиканско-демократической” прессы:

“Нельзя огулом хаять народ!”

А белых, конечно, можно?

Народу, революции все прощается, это, мол, только “эксцессы”.

А у белых не может быть эксцессов? У белых, у которых все отнято, все поругано, изнасиловано, убито – родина, родные колыбели и могилы, матери, отцы, сестры, имущество, положение в обществе – все, все! («Возрождение», 11.06.1925, № 9, с. 2)

И здесь в собрании сочинений финал записи переделан: “А у белых, у которых все отнято, поругано, изнасиловано, убито, – родина, родные колыбели и могилы, матери, отцы, сестры, – ‘эксцессов’, конечно, быть не должно” (Бунин 1935: 105).

Как мы видим, публицистический пафос *Окаянных дней* со-

ответствует платформе «Возрождения» (за исключением, возможно, излишне резких для издания в целом суждений о народе). Можно ли, основываясь на этом, утверждать, что *Окаянные дни* создавались в 1925 г.? Если говоря о создании, мы имеем в виду процесс формирования текста *Окаянных дней*, отбора материала, то, безусловно, можем: на это указывает и сам Бунин, подчеркивая, что в газете публикуются фрагменты “из одесского дневника” и “из одесских заметок”. Если же речь идет о написании текста, то в пафосе *Окаянных дней* нет ничего, что бы не соотносилось с мыслями и эмоциями Бунина 1919 г. Позиция Бунина в *Окаянных днях* в целом соответствует позиции «Возрождения» 1925 г., но она не определяется этой позицией.

Вряд ли возможно опровергнуть документальность дневника Бунина и с точки зрения фактографии: небольшие несоответствия относятся, как правило, к занимающим важное место в дневнике воспоминаниям и легко объясняются ошибками памяти. В *Окаянных днях* сообщаются либо факты общеизвестные: Одессу заняли отряды атамана Григорьева, большевики праздновали 1 мая, в городе были про-

блемы с продовольствием и т.д., либо факты, которые нельзя проверить или которые свидетели могут по-разному интерпретировать (например, содержание разговоров с Волошиным).

Фактически Бунин исключает саму возможность полемики по поводу достоверности его дневника в эмиграции. Он рассказывает в *Окаянных днях* о встречах (в 1919 г. или ранее) с множеством известных людей – Горьким, Луначарским, Маяковским, Волошиным, Катаевым и т.д., но вообще ни разу не упоминает большинство писателей, с которыми Бунины общались в 1919 г. в Одессе и которые в 1925 г. находились за рубежом (Пильский, Юшкевич и т.д.).

Ни в одном из первых пяти фрагментов нет фиксации фактов 1919 г., значимо привязанных вне *Окаянных дней* к конкретной дате, за исключением первомайского праздника (здесь нужно обратить внимание на то, что Бунин датирует записи по старой орфографии, а потому запись про 1 мая фиксируется 17 апреля). В большинстве случаев датировка фактов одесской жизни важна в тексте не абсолютно (нет особой разницы пришло письмо днем раньше или днем позже), а относи-

тельно: форма дневника позволяет зафиксировать последовательность происходящего и, соответственно, развитие авторского суждения.

Кроме того, Бунин активно использует в тексте временное расширение дневникового пространства, уже в самом начале первой записи возвращаясь к событиям трехнедельной давности, а затем вспоминая и 1917 г., и даже 1907 г. На каких фактах строится первая публикация *Окаянных дней*: записи от 12 апреля, 13 апреля и 15 апреля? Расположим их в хронологическом порядке:

“Двенадцать лет тому назад мы с Верой приехали в этот день в Одессу по пути в Палестину”; “Меня в конце марта 17 года чуть не убил солдат на Арбатской площади”; “летом 17 года [...] появился ‘министр почт и телеграфов’. Тогда-же появился впервые и ‘министр труда’” (на самом деле министерство почт и телеграфов и министерство труда Временного правительства были созданы 5 (18) мая 1917 г. – Д.Н.); зима “позапрошлая в Москве, когда все так ждали немцев, спа-

сения от них”; “десять месяцев тому назад ко мне приходил на редкость паршивый и оборванный человек”; “Министерство Клемансо пало”; “французские и греческие солдаты” оставляют Одессу; звонок Катаева Бунину 21 марта; “пришло человек шестьсот так называемых ‘григорьевцев’”; “письмо из Москвы к Вере от 10 августа пришло только сегодня”; “Вчера долго сидел у нас поэт Волошин”; встреча с бывшим “паршивым и оборванным человеком”, который теперь один из “сотоварищей этого сумасшедшего мерзавца профессора Щепкина; он теперь комиссар по театральному делу”. («Возрождение», 03.06.1925, № 1, с. 2).

Таким образом, событийно к дневниковым датам относятся только три последних события, из которых ни одно не имеет самостоятельного “исторического” значения: важные связанные с ними рассуждения и переживания Бунина. *Окаянные дни* – это прежде всего дневник, фиксирующий день за днем авторскую пози-

цию. Факты, относящиеся к фиксированному “дневниковому” времени 1919 г., не просто перемешиваются Буниным с фактами из предшествующего времени, но во многих случаях вытесняются ими, так что определяющим в дневнике становится не внешняя событийная канва, а авторский образ, переживания и размышления записывающего.

Воспоминания играют важнейшую роль в *Окаянных днях*, но дневниковая структура не позволяет читателям воспринимать текст как форму воспоминаний. Парадоксальным образом регулярное указание на даты 1919 г. актуализирует позицию автора, жанрообразующий формат дневниковой записи – здесь и сейчас – позволяет проецировать прошлое на настоящее.

4.

Художественная и историческая ценность *Окаянных дней* – в первую очередь в созданном Буниным образе автора, в его эмоционально-публицистических оценках происходившего в России в целом и в Одессе в 1919 г., в частности. Соответственно, и решение проблемы художественности / документально-

сти газетной редакции в таком случае в значительной степени определяется анализом характера этих эмоционально-публицистических оценок.

Уточним сразу, что определение роли документальности, публицистичности и художественности в тексте Бунина в целом связано с исследовательским пониманием документальности, публицистичности и художественности, которое может существенно различаться. Показательной в этом отношении является позиция К. Эберт. Анализируя *Окаянные дни* с точки зрения “дневниковой прозы”, К. Эберт исходит из того, что Бунин “составил свою книгу *Окаянные дни* в эмиграции, используя дневниковые записи свои и своей жены, как и другие материалы тех лет, в особенности газетные” (Эберт 1996: 106–107). С точки зрения оценки художественности/документальности для К. Эберт принципы формирования текста и момент его создания не имеют существенного значения, так как дневники, “если они предназначены для публикации, становятся не просто биографическим фактом, но художественным произведением” (Эберт 1996: 106). Более того, согласно К. Эберт, дневник вообще, в

любой своей проекции, не является собственно документальной формой, поскольку так или иначе отражает образ автора:

Дневники являются важным источником для исследования биографии автора. Но одновременно дневник содержит и проекцию идеалов, желаний, представлений автора, т.е. является фикцией. Главный объект этой фикции – сам автор, он создает свое “я”, моделирует свой образ таким, каким он себя видит или хочет, чтобы видели его другие. Создание образа автора – это главная функция автобиографических жанров, в том числе и дневниковой прозы. (Эберт 1996: 107).

С нашей точки зрения, понятия документальность / художественность выступают как дихотомия и дневник как документальный жанр не несет в себе определяющего фикционального элемента, в отличие от дневника как формы прозы художественной. При этом и в обычном дневнике, естественно, нельзя ставить знак равенства между автором и образом

автора. Автор дневника, действительно, запечатлевает в нем себя таким, каким он себя видит или хочет видеть, он может умалчивать, домысливать, преувеличивать, смешивать слухи и факты, даже умышленно искажать события. Ведущий дневник человек учитывает тот факт, что его записи могут быть прочитаны кем-то другим, а часто и рассчитывает на это. Над этим справедливо иронизировала Н.А. Тэффи в юмористическом рассуждении *О дневниках*:

Мужчина всегда ведет дневник для потомства. “Вот, – думает, – после смерти найдут в бумагах и оценят”.

В дневнике мужчина ни о каких фактах внешней жизни не говорит. Он только излагает свои глубокие философские взгляды на тот или иной вопрос мировой важности. [...]

Мужчина любит изредка почитать кому-нибудь свой дневник. Только, конечно, не жене, – жена все равно ничего не поймет. Он читает свой дневник клубному приятелю, господину, с которым познакомился вчера на бегах, судебному при-

ставу, пришедшему с просьбой указать, “какие вещи принадлежат лично вам в этом доме”.

Но пишется дневник все же не для этих ценителей глубин человеческого духа, а для потомства и славы.

Женщина пишет дневник всегда для Владимира Петровича или Сергея Николаича. Поэтому каждая непременно пишет о своей наружности (Тэффи 2000: 258–259).

Субъективность дневниковых записей, их оценочность и даже сознательная ложь еще не дает основания говорить о фикционализме. В то время как в художественном тексте создается образ автора как образ художественный, в произведении документальном образ автора является текстуально зафиксированной реальностью, в которой все возможные искажения являются документальным отражением собственных автору параметров преломления действительности, его реальных, а не вымышленных иллюзий, заблуждений и т.п.

Если мы будем рассматривать образ автора в *Окаянных днях* с данной точки зрения, у нас

нет ни малейших оснований сомневаться в документальности текста. Образ автора заявлен Буниным как образ, идентичный самому Бунину 1919-го года. Чтобы подтвердить это, необходимо ответить на два вопроса: во-первых, насколько авторские оценки в *Окаянных днях* соответствуют бунинскими оценкам, т.е. есть ли в этом плане существенная разница между автором и образом автора, и во-вторых, есть ли разница в позициях, связанная с временной дистанцией?

Ответ и в том, и в другом случае дает сравнение опубликованного в «Возрождении» текста с сохранившимися фрагментами дневников Бунина и В.Н. Муромцевой-Буниной (на текстологических особенностях подготовки трехтомного издания *Устами Буниных*, на которое мы ссылаемся, в данной статье останавливаться нет смысла). Подобная работа уже проделывалась для подтверждения документальности зафиксированных в *Окаянных днях* эпизодов. Мы же здесь обратим внимание на соответствие публицистического пафоса.

Для общей характеристики образа автора в *Окаянных днях*, если его оценивать не в эмоционально-

публицистических, а в эмоционально-бытовых категориях, точно подходят слова из записи В.Н. Буниной от 17 / 30 мая 1919 г.: “Ян временами бывает очень подавлен, часто чувствует сильную тоску, но раздражается реже” (Устами Буниных 1977: 258). Исследователь бунинского творчества вместо “подавленность” скорее скажет “боль”, а вместо “раздражение” – “ярость” или “негодование”, и именно эти слова использует Бунин в первом фрагменте *Окаянных дней* для автохарактеристики: “Эти два года – сплошная погибель моя, сплошная мука, боль, ярость, отчаяние...” («Возрождение», 03.06.1925, № 1, с. 2).

В 1925 г. позиция Бунина определялась знанием того, что произошло – с ним, с Россией, с людьми, с культурой; в *Окаянных днях* ключевым мотивом является иное – ожидание, отражающее сочетание надежды и безнадежности. Это переживания не эмигранта, но человека, живущего в ожидании то ли смерти, то ли возрождения в захваченной большевиками Одессе 1919 г. В первом же абзаце первой записи Бунин фиксирует произошедший после падения Одессы перелом в настроениях, напоминая о том, как со-

бравшиеся в Одессе прежние сотрудники московского «Русского Слова» начали выпускать 19 марта газету “в полной уверенности на более или мирное существование ‘до возврата в Москву’” («Возрождение», 03.06.1925, № 1, с. 2).

В сохранившихся частях дневника Бунина есть запись от 4 / 17 августа: “Конечно, все время сидит где-то внутри надежда на что-то, а когда одолевает волна безнадежности и горя, ждешь, что может быть Бог чем-нибудь вознаградит за эту боль, но преобладающее – все же боль” (Устами Буниных 1977: 303–304). Именно о такой “внутренней” надежде, которая сохраняется несмотря на очевидную безнадежность происходящего, Бунин пишет в первом фрагменте *Окаянных дней*:

Жизнь в непрестанном ожидании (как и вся прошлая зима здесь, в Одессе, и позапрошлая в Москве, когда все так ждали немцев, спасения от них). И это ожидание чего-то, что вот-вот придет и все разрешит, сплошное и неизменно-напрасное, конечно, не пройдет нам даром, так или иначе, изувечить наши души, если даже

мы и выживем. А за всем тем, что же было бы, если бы не было даже ожидания, то есть надежды? («Возрождение», 03.06.1925, № 1, с. 2)

Этот мотив повторяется в «Возрождении» и на следующий день: “А потом, повторяю, это изнуряющее ожидание; да не может же продолжаться так, да спасет же нас кто-нибудь или что-нибудь завтра-послезавтра, может быть, даже нынче ночью!” («Возрождение», 04.06.1925, № 2, с. 2).

Питающаяся безнадежной надеждой воля к жизни подчеркивается Буниным в заключительной части четвертого фрагмента, опубликованного в *Возрождении* 8 июня:

В сущности, всем нам давно пора повеситься, – так мы забиты, замордованы теперь, лишены всех, прав и законов, живем в невероятном рабстве и среди непрерывных заушений, издевательств. А все-таки живем, хотя пора понять, что наша Россия, а значит и вся наша жизнь навсегда кончена. («Возрождение», 08.06.1925, № 6, с. 3)

Затем надежда на освобождение сменяется другой надеждой – надеждой на отмщение:

Когда совсем падаешь духом от полной безнадежности на счет себя лично и России, ловишь себя на другой сокровенной надежде, на мечте, что все-таки настанет же когда-нибудь день отмщения и общего, всечеловеческого проклятия теперешним дням. Нельзя быть без этой надежды. Ведь это истинно сам Бог говорит во мне, “Господь ревнитель и мститель”, ненавидящий и долженствующий сокрушать и карать дьявола. Да, но во многих ли Он говорит теперь? Поминутно выскользывает из рук и эта последняя надежда. Во что можно верить теперь, когда раскрылась такая несказанно страшная правда о человеке? («Возрождение», 18.07.1925, № 46, с. 2)

В собрании сочинений Бунин значительно смягчил эту запись, убрав идею последней надежды на Божественную кару (от слов “Ведь это истинно”

до слов “последняя надежда”) (Бунин 1935: 123).

Выше отмечалось, что одной из главных задач *Возрождения* было противодействие политике “соглашательства” с Советской Россией, и это в значительной степени определило выбор “дневникового” периода. Сохранившиеся

дневниковые записи И.А. Бунина и В.Н. Буниной свидетельствуют, что в 1919 г. любые формы сотрудничества с большевиками категорически осуждались писателем, а тема эта находилась в центре его внимания. Бунин острейшим образом реагировал в 1919 г. на каждый случай, каждую попытку знакомых ему людей сотрудничать с советской властью. 25 марта (7 апреля) В.Н. Бунина записывает реакцию Бунина на предложение Пильского “образовать беллетристическую группу и послать в Совет своего представителя на всякий пожарный случай”: “А иметь с ними дело нестерпимо для меня” (Устами Буниных 1977: 225). Через несколько дней, 30 (12) апреля, Бунин и Буковецкий набрасываются на Нилуса за то, что он видит в большевиках защитников искусства: “– Да пойми, что все поблажки, которые они делают, только для того, чтобы перетянуть

интеллигенцию на свою сторону, заткнуть ей глотку и начать свободнее расправляться с контрреволюционерами...” (Устами Буниных 1977: 230).

Еще через три дня, 2 (15) апреля, в дневнике зафиксирована реакция Бунина на готовность Волошина принимать участие в украшении города к первому мая и речи того, оправдывающие поддерживающих большевиков, в частности, Горького: “Ян, слушая, едва сдерживается” (Устами Буниных 1977: 233). И мы можем и дальше приводить подобные примеры.

Первые фрагменты *Окаянных дней* также содержат резкое осуждение тех, кто сотрудничает с большевиками, кто “перекрасился” («Возрождение», 04.06.1925, № 2, с. 2) или просто готов принять и оправдать происходящее – это Волошин и профессор Щепкин («Возрождение», 03.06.1925, № 1, с. 2), Гальберштат, Волошин, Щепкин, Блок, Горький, “актеры и актрисы в оперно-народных костюмах”, “гадина Луначарский” («Возрождение», 04.06.1925, № 2, с. 2), “каприйские мои приятели. Луначарские и Горькие” («Возрождение», 06.06.1925, № 4, с. 2), Полевицкая («Возрождение», 08.06.1925, № 6, с. 3) и

т.д. Бунин пишет не только о конкретных людях и ситуациях, но и возможности сотрудничества с большевиками в целом:

Подумать только: надо еще объяснять то тому, то другому, почему именно не пойду я служить в какой-нибудь Пролеткульт! Надо еще доказывать, что нельзя сидеть рядом с чрезвычайкой, где чуть не каждый час кому-нибудь проламывают голову, и просвещать насчет “последних достижений в инструментовке стиха” какую-нибудь хряпу с мокрыми от пота руками! Да порази ее проказа до семьдесят седьмого колена, если она даже и “антерисуется” стихами, и тем паче, чем больше “антиресуется”!

Вообще, теперь самое страшное, самое ужасное и позорное даже не сами ужасы и позоры, а то, что надо разъяснять их, спорить о том, хороши они или дурны. Это ли не крайний ужас, что я должен открывать такую Америку – доказывать, что лучше тысячу раз околеть с голоду, чем

обучать эту хряпу ямба и хореем, дабы она могла воспевать, как ее со товарищи грабят, бьют, насилюют, пакостят в церквах, вырезают ремни из офицерских спин, венчают с кобылами священников? («Возрождение», 18.07.1925, № 46, с. 2)

В принципе описанные Буниным частные встречи и разговоры в равной степени могли быть отнесены читателями и к разряду реальных, и к разряду вымышленных, но с точки зрения эффекта воздействия важна в первую очередь степень доверия читателей к Бунину, а она – особенно если речь идет об адресной аудитории газеты «Возрождение» – почти абсолютная. Все, рассказанное Буниным, воспринимается читателями как документальное свидетельство, поскольку такова конвенциональная установка, закрепленная авторским подзаголовком “из одесского дневника”, а доверие к автору не позволяет читателям поставить эту установку под сомнение. Эта установка на документальность в 1925 г. является важнейшим элементом поэтики *Окаянных дней*, и игнорируя ее, мы нарушаем авторский замысел.

Если Бунин в *Окаянных днях* и наделяет себя “всеведением пророка” и стремится “глаголом жечь сердца людей”, то делается это не в ущерб документальности, поскольку подобное вполне соответствует роли и образу писателя в эмиграции. Способность провидеть суть происходящего, не питать ненужных иллюзий, не обманываться и не вводить в заблуждение других, пусть даже и из лучших побуждений, придает особый вес актуальному для 1925 г. публицистическому пафосу *Окаянных дней*.

Носящая универсальный характер общая антибольшевистская интенция сочетается

в *Окаянных днях* с вполне конкретной реакцией на события 1919 г. Но *Окаянные дни* соотносятся не только с описываемым там временем, но и со временем первой публикации в газете «Возрождение». В *Окаянных днях* как публицистическом произведении общей, мировоззренческой позицией автора объединяются два пласта – один, связанный с идейной борьбой времени создания и публикации текста (1925 г.), и второй, отражающий пафос “дневникового” времени, заявленного автором как время написания.

Библиография

Алданов 1935: М. Алданов, *И.А. Бунин. Собрание сочинений. Изд. «Петрополис». Берлин, 1935 год. Томы IX и X, «Современные Записки», 1935, LIX, с. 471–473.*

Бакунцев 2013: А. Бакунцев, “*Окаянные дни*”: особенности работы *И.А. Бунина с фактическим материалом*, «Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика», 2013, 4, с. 22–36.

Бунин 1935: *И.А. Бунин, Собрание сочинений. Т. 10: Окаянные дни*, Петрополис, Берлин, 1935.

Бунин 1968: *Переписка И.А. Бунина с П.Б. Струве (1920–1943)*. К 100-летию со дня их рождения, «Записки Русской академической группы в США», New York, 1968.

Бунин 1991: *И.А. Бунин, Окаянные дни*, Современник, Москва, 1991.

Бунин 1994: *Письма Буниных Струве*, публикация, подготовка текста, вступительная статья и примечания Р.М. Янгирова, «*de visu*», XV, 1994, 3–4, с. 34–46.

Бунин 1998: И.А. Бунин, *Публицистика 1918–1953 годов*, Наследие, Москва, 1998.

Ленотр 1919: Г. Ленотр, *Мебель господина Бертелеми*, «Объединение», 1919, январь-февраль, с. 25–42.

Морозов 2012: С.Н. Морозов, «Окаянные дни» И. Бунина: к истории текста // *Текстологический временник*. Русская литература XX века. Вопросы текстологии и источниковедения. Выпуск 2, отв. ред. Н.В. Корниенко, ИМЛИ РАН, Москва, 2012, с. 302–311.

Николаев 2009: Д.Д. Николаев, *Специфика бытования текстов в литературе русского зарубежья 1920–1930-х гг.* // *Текстологический временник*. Русская литература XX века. Вопросы текстологии и источниковедения, отв. ред. Н.В. Корниенко, ИМЛИ РАН, Москва, 2009, с. 35–44.

Николаев 2012: Д.Д. Николаев, *Текстология литературы русского зарубежья: теория и практика* // *Текстологический временник*. Русская литература XX века. Вопросы текстологии и источниковедения. Выпуск 2, отв. ред. Н.В. Корниенко ИМЛИ РАН, Москва, 2012, с. 26–44.

Николаев 2016: Д.Д. Николаев, *Парижское «Возрождение» 1920-х годов о Есенине: от Бунина к Ходасевичу (1925–1926)* // *Сергей Есенин: Личность. Творчество. Эпоха*, ИМЛИ РАН, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Государственный музей-заповедник С. А. Есенина, Москва, 2016, с. 364–381.

Николаев 2018: Д.Д. Николаев, *Парижское «Возрождение» о Владимире Маяковском (1925–1930)* // *Владимир Маяковский в мировом культурном пространстве*. Материалы международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения поэта, ИМЛИ РАН, Москва, 2018, с. 425–449.

Ошар 1996: К. Ошар, «Окаянные дни» как начало нового периода в творчестве Бунина, «Русская литература», 1996, 4, с. 101–105.

Риникер 2001: Д. Риникер, «Окаянные дни» как часть творческого наследия И.А. Бунина // *И.А. Бунин: pro et contra*, Санкт-Петербург, 2001, с. 625–650.

Тэффи 2000: Н.А. Тэффи, *Собрание сочинений: в 7 т.*, под. ред. Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой, Лаком, Москва, 2000, т. 5: Карусель.

Устами Буниных 1977: *Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и веры Николаевны и другие архивные материалы*, в 3 т., под. ред. М. Грина, Франкфурт-на-майне, Посев, 1977, т. 1.

Эберт 1996: К. Эберт, *Образ автора в художественном дневнике Бунина "Окаянные дни"*, «Русская литература», 1996, 4, с. 106–110.